

Пегромкие люди
Марии Метлицкой

Читайте повести и рассказы

Мари Метлицкой

в серии «Негромкие люди»:

.....

Бабье лето

•

Понять, простить

•

Обычная женщина,
обычный мужчина

•

Свои и чужие

•

На круги своя

•

Такова жизнь

•

Странная женщина

•

Незаданные вопросы

Мэ Марья
Метлицкая

Незадаанные
вопросы

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Незаданные вопросы : [сборник] / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет).

ISBN 978-5-04-095662-3

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» Каждый из нас хотя бы раз в жизни стоял перед выбором: что лучше — жить в неведении, пряча, словно страус, голову в песок, или узнать правду, даже если она перевернет, разрушит твою жизнь и сделает бессмысленными все предыдущие годы?

Ольге Петровне, героине повести «Незаданные вопросы», понадобилось немало мужества, чтобы решиться посмотреть правде в глаза. Разочаровываться больно, но как иначе сохранить себя?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095662-3

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Незаданные вопросы

Дверной звонок был резкий и неприятный. Ольга Петровна всегда вздрагивала, слыша его. И каждый раз думала, что надо бы сменить. А потом, до следующего звонка, все забывалось, и руки снова не доходили.

Вздрогнула и сейчас. Посмотрела на часы — Ирка? Так рано? Какое же счастье, господи! Не придется торчать у окна, вглядываясь в темноту улицы. Ну слава богу! Хотя странно. У дочки есть ключ.

Схватила кухонное полотенце, вытерла влажные руки и заспешила к двери. Мельком глянула в глазок — ничего не разглядела с ее-то зрением. И, не спросив, кто, тут же щелкнула замком. Дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина — худая, высокая, в темном пальто и черном берете. В руках небольшой чемодан. Ольга Петровна растерялась и поправила очки.

— Вы... к нам?

Женщина в берете усмехнулась.

— Оля, ты что? Не узнаешь? Что, так изменилась?

Ольга Петровна вздрогнула и чуть отступила назад, потому что узнала.

На пороге стояла Муся. Ее двоюродная сестра. Которую она не видела... Лет пятнадцать, не меньше! Или — тринадцать. Впрочем, какая разница?

Ольга Петровна продолжала молчать, растерянная и ошарашенная. Наконец произнесла:

— Муся, ты? Вот уж... не ожидала!

Муся ответила коротким, сухим смешком:

— Оля! Ну что? Так и будем стоять? В дом не пустишь?

Ольга Петровна мелко закивала, покраснела и забормотала:

— Конечно, конечно! Муся, да что ты! Просто я... растерялась!

Муся неодобрительно хмыкнула — дескать, что с тебя взять? И вошла в дом. Ольга Петровна отступила на два шага назад и замерла, разглядывая нежданную гостью.

Муся повесила на вешалку пальто, аккуратно сняла ботинки, пристроила их ровно по линейке, затем сняла берет и внимательно осмотрела себя в зеркале, чуть нахмурила брови, облизнула губы, после чего наконец обернулась на Ольгу Петровну.

— Что, Оля? Удивлена? Да, вот так... Такие дела. Ну, приглашай в дом, хозяйка! — И Муся ослепительно улыбнулась, показав по-прежнему отличные, креп-

кие и крупные зубы. — А тапки-то у тебя есть? Или так, босиком?

Ольга Петровна словно очнулась, снова закивала и принялась суетливо доставать тапки — гостевых в доме не было, потому что гости в доме бывали редко. Подумав с минуту, протянула ей Иркины — самые приличные, почти «свежие», смешные, ярко-желтые с оранжевым кантом — утиная мордочка, кажется, из американского мультика. Муся усмехнулась.

— Иркины! — догадалась она. — Что, из детства никак не выскочит?

Ольга Петровна ничего не ответила. Муся всегда была щедра на «укусы» — такая натура. Самое умное — не вступать в диалог, целее будешь.

— Ну проходи! — как-то неуверенно пригласила Ольга Петровна и обернулась у входа на кухню. — Муся, ты голодна?

— Чай, только чай! — ответила та и уселась на табурет.

Было неловко разглядывать ее. Неловко и ужасно интересно. Как следует разглядеть, рассмотреть все подробно и расспросить все детально — как ее жизнь, как прошли все эти долгие годы, что получилось из *всего этого*. И что не сложилось. Понятно же было, что не сложилось. Но Мусю нельзя было расспросить. Можно было только *спросить*. Осторожно, аккуратно, дипломатично. Но даже при этих условиях, при том, что этика и правила соблюдены, Муся могла не ответить — характер такой. Тяжелый характер.

Ольга Петровна помнила — связываться с Мусей никто не торопился. В спор с ней вступать рисковали немногие. Позволить себе подобное мог только Мусин отец, дядя Гриша. Но что ей нужно? Зачем она приехала? Что случилось и почему она здесь? На сердце было тревожно. Впрочем, от встреч с Мусей было тревожно всегда.

Ольга Петровна совсем растерялась — переставляла чашки, гремела ложками, хлопала дверцей холодильника и бросала осторожные взгляды на сестрицу.

— Муся! Может, все-таки поешь? У меня есть чудесные голубцы. Так хорошо получились!

Муся чуть скривила губу:

— Голубцы? Ну давай. Только один, слышишь? Больше не съем — ты ж меня знаешь!

Ольга Петровна радостно закивала — теперь у нее появилось дело, пусть кратковременное, минут на десять, но все же дело. А это означало, что разговор и общение отодвигались — хотя бы чуть-чуть.

Она поставила перед гостьей тарелку с разогретым голубцом, от которого шел вкусный, ароматный парок, и присела напротив.

— Муся! — всплеснула она руками. — А хлеб?

Муся мотнула головой:

— Завари лучше чаю! И покрепче, Оля! Ты же знаешь, какой я люблю!

Ольга Петровна с радостью вскочила, поставила чайник и стала искать в шкафчике заварку. И на секунду замерла. Муся, как всегда, ей *приказала!* Или так — говорила с ней приказным тоном, словно хо-

зайкой была здесь она, Муся, а никак не Ольга Петровна.

«Ой, да что я? — остановила себя она. — Что я, Мусю не знаю? — И приказала себе: — Не обращай внимания, Оля! Ты же понимаешь, что там не все хорошо! Или даже совсем *нехорошо*. Иначе бы...»

Наконец она села напротив неожиданной гостьи и аккуратно стала ее рассматривать. Муся сдала. Постарела: морщины под глазами и возле носогубных складок, опущенные уголки глаз и губ — печальки, как назвала их Ольга Петровна. Руки с истонченной пергаментной кожей, покрытые вялыми пятнами. Сидна и тусклость волос.

Но сдала — это другое! Сдала — это поникшая голова, поникшая шея. Поникшие, опущенные плечи — человеку тяжело держать свой каркас, свои мышцы. Но главное — глаза! Когда в них нет интереса, неважно к чему, все равно. Потухшие глаза — вот что такое «сдала». Сдала — это когда из человека почти ушла жизнь. Жизнь утомила, и это заметно. Когда человек устал и больше ничего не хочет, потому что уже все знает и все ему неинтересно. Он больше не хочет открытий.

Это, конечно, в той или в иной степени испытывают все, кому за пятьдесят, — разочарования и усталость никого не минула. И все же у всех по-разному, в разной степени. Женщины тяжело переносили наступление старости. Особенно красавицы, особенно яркие, значительные женщины с «биографией». Ольга Петровна была точно не из их эшелона. Скромная, тихая Ольга Петровна считала себя женщиной... незначительной.

А Муся была как раз из красавиц! Из тех, за кого можно и под поезд — роковой женщиной была эта Муся.

А вот ведь тоже потухла, и это бросалось в глаза. Муся устала от жизни? Нет, вряд ли! Как это на нее не похоже! Может, просто устала с дороги?

Ела Муся красиво — неспешно, аккуратно, с достоинством. Впрочем, достоинство — Мусин конек. Если честно, достоинство у Муси вовсе не глубинное, не врожденное. Все близкие все про нее понимали. Но держалась она всегда так, словно была особой царских кровей. Как говорится, умела себя подать.

Наконец Муся все с тем же достоинством аккуратно отставила тарелку и приборы, вытерла губы салфеткой.

— Спасибо! Ты всегда была кулинаркой! В отличие от меня. — И Муся хихикнула.

Ольга Петровна смущенно махнула рукой:

— Да брось ты! Все — опыт! Нароботка навыков, а не талант. Не научиться элементарному — это, знаешь ли, почти невозможно. — И, наливая госте чай, наконец решила: — Муся! Ты как сюда — насовсем?

Муся, отвернувшись к окну, вяло и неохотно говорила:

— Да, Оль! Насовсем. Так получилось.

— Ты меня извини, — решила Ольга Петровна, — за любопытство. Не получилось? Но... Тебя же не было почти...

Муся ее перебила:

— Не напрягайся — тринадцать лет. Да, Оль! — с вызовом добавила она. — Не получилось! Ты же знаешь, какой был у нас возрастной разрыв. Шестнадцать лет! Я старела, а он... Он — только мужал. Это же мы, женщины, стареем. — И она криво усмехнулась. — Что тут нового и непонятного? Я старела, сходила с ума от того, что старею. Каждое утро подсчитывала новые морщины. А уж если день был солнечный... Не утешало совсем! Начала прибаливать — то одно, то другое, то третье. — Она снова усмехнулась. — Ну и кому это понравится? Начала к нему цепляться, ревновать, устраивать сцены. Безобразные, надо сказать. Никогда прежде такого не было, ты меня знаешь! Самой было противно и стыдно. Себя ненавидела больше, чем его. Ну и дальше — понятно. Меня заменили. Нашли более свежую и молодую. Без истерик и камней в желчном пузыре. Без мигреней и климакса. Вот так. Хотя — чему удивляться? У тебя можно курить?

Ольга Петровна на мгновение растерялась — дом был некурящий, причем некурящий строго. Гостей с сигаретами всегда выставляли на балкон или на лестничную клетку.

Но не гнать же Мусю на улицу, где уже минус пять?

— Кури, — со вздохом кивнула Ольга Петровна и тут же подумала: «Хорошо, что нет Левы! Он придет не раньше, чем через два месяца». Она протянула Мусе блюдце, и та щелкнула зажигалкой. — А что дальше, Муся? Как думаешь жить?

Муся ответила легко и беззаботно, как отвечала всегда:

— Да как-нибудь проживу! Не впервой, да? Устроюсь куда-нибудь. На хлеб и чай заработаю. — И чуть подалась вперед, ближе к Ольге Петровне. — Оля, послушай! — Она сказала это так тихо, что Ольге Петровне стало не по себе. — Оля! А можно я у тебя проживу? Ты не волнуйся, недолго! Чуть приду в себя. Разберусь у себя... У меня комната есть, ты помнишь?

Ольга Петровна кивнула — комнату помнила, да. Конечно, помнила! Комната была не очень — узкая, темная. Но — в центре, на Кропоткинской. Кажется, последний этаж. Дом старой постройки, в четыре или пять этажей, с деревянной лестницей, без лифта.

Запомнилось вот что — темный деревянный дощатый пол и светлые, крашеные известкой стены. Кровать у окна — старинная, наверное бабушкина, с металлическими шариками на спинке, и комод — огромный, тяжелый, темный, на котором стояли мраморные слоники шеренгой, по росту. Вазочка с сухой вербой и несколько фотографий. Все. Шкафа, кажется, не было.

Слава богу, что комнату Муся за собой сохранила, при всей беспечности и, казалось бы, безалаберности, своего она никогда не упускала и к материальному относилась внимательно и серьезно.

«Вот и хорошо, — подумала Ольга Петровна. — Погостит, придет немного в себя и съедет. Конечно, съедет! Придется потерпеть — все же сестра».

— Ну, Оля! Что мы обо мне? Рассказывай, как у вас. Наверняка это куда интереснее! — Муся улыбнулась, всем видом демонстрируя интерес.

— Муся, ничего интересного, ты мне поверь! Все как было. Ну совершенно без перемен! Может, это и хорошо? Лева, как всегда, горит на работе. Снова командировка, теперь — Индия. Климат, конечно! Уже тяжело. Но он счастлив, и это главное! Я, как всегда, как домашняя курица — есть парочка учеников, подтягиваю перед экзаменами по математике, но это так, чтобы не отупеть окончательно. — Ольга Петровна улыбнулась и развела руками. — Ну и Ирка. — Она вздохнула. — Нет, так все хорошо, ничего критичного! Здорова, ходит в институт. Но... как-то не все мне нравится, понимаешь? — Ольга Петровна посмотрела Мусе в глаза. Та молчала. — Нет, ничего вроде плохого, — продолжила Ольга Петровна. — Но она какая-то нелюдимая, замкнутая, закрытая. Что там у нее происходит, не знаю. Совсем ничего не знаю, понимаешь? Ни про подруг, ни про молодых людей. Молчит, а если спрошу, услышу: «Мама, отстань! Все нормально!» Вроде тихая, скромная, положительная. Без каких-то пороков. И все же мне неспокойно. Хорошо бы ей подруг, кавалера. Но, кажется, ничего этого нет и в помине.

Муся глубоко затаилась, выпустила дым.

— Оля! Ну это же абсолютно нормально! У всех было именно так! Кто из нас стремился поделиться с родителями? Лично я никогда! Потому что, — Муся рассмеялась, — мне было что скрывать, понимаешь?

«Зачем это она? — вздрогнула Ольга Петровна. — Зачем привела этот пример? Хочет сказать, что и Ирке есть что скрывать? Муся есть Муся, — с неприязнью подумала она, — не изменилась, увы».

А вслух сказала:

— А я маме все говорила! Все абсолютно, — с какой-то гордостью повторила она.

— Конечно! — Слова эти Мусю развеселили. — Ты же у нас святая! Что тебе-то было скрывать?

Ольга Петровна слегка обиделась. Хотя что обижаться на правду? Все было именно так. Оле-подростку скрывать было нечего. Девушке Оле, вошедшей в молочную спелость, — тоже, увы! Молодой женщине Ольге — тоже. Вышла замуж, родила дочь. Вела абсолютно праведную и добропорядочную жизнь. Никаких секретов! Ну совершенно никаких! Размеренная, скучная, семейная жизнь.

Для Муси наверняка до противного наивная и смешная.

— А что у Ирки? — вдруг снова спросила Муся. — Совсем никого?

Ольга Петровна загрустила.

— Совсем, Мусь. Даже уже волнуюсь. Ты же знаешь: не найдешь мужа в институте — все, кранты. Значит, не выйдешь уже никогда. Да и при теперешней конкуренции! Девицы такие — подметки ведь рвут на ходу! А эта, моя? Тихая, скромная, молчаливая. Нет, внешне не дурненькая! С этим в порядке. А что толку? Вот именно — ничего. По-моему, просто синий чулок.

Муся кивнула:

— Да, дело в характере, в натуре бабской. Ты не права — есть бабы, которые и в сорок, и в пятьдесят жизнь устраивают. Здесь от возраста не зависит — точнее, не в возрасте дело! И с детьми, и с плеть-

ми. Только эти бабы и вправду подметки рвут. Жизнь ведь такая... Не ты, так тебя. Зубы надо точить и быть бдительной. Тетехи сейчас не в чести, как ты, например! — И Муся расхохоталась.

Смех у нее был по-прежнему звонкий, молодой, задорный.

«Надо же, — удивилась Ольга Петровна, — сама скукожилась, усохла, а смех остался — девчоночий смех».

И снова обиделась. Хотя ведь снова Муся была права.

— Ты на меня не обижайся, Оля! — Муся словно подслушала ее мысли. — Ты чудесная! Ты замечательная, Олечка! Честная, верная, преданная. Лучшая из тех, кто встречался на жизненном пути. А ты знаешь — розами он не был выстлан точно, мой жизненный путь. Таких, как ты, наверное, больше нет. Но ты же тетеха, Олька! Тебя же вокруг пальца обвести — как нечего делать! И то, что ты вышла за Леву, да еще так удачно, — не просто везение, Оля! Это судьба.

После этих слов Ольга Петровна окончательно решила не обижаться. Все — правда, как ни крути! И то, что Лев предпочел именно ее, тихую и обыкновенную Олю, когда вокруг были сплошные красавицы. Нет, дурнушкой она не была — в молодости даже совсем ничего, симпатичная. Блондиночка с нежной кожей, голубыми глазами и мило вздернутым, чуть присыпанным конопушками носиком. Мужчины любят такой типаж — беззащитная, тихая, милая.